

ПОМНИТЕ ВАДИМА КОЗИНА?.. КОНЕЧНО, ПОМНИТЕ...

НАЗОВИТЕ сегодняшним молодым имя Вадима Козина. «Кто это?» — удивленно скажут они, если не смотрели недавнюю передачу по ТВ. Но спросите их отцов и матерей, бабушек и дедушек: «Знаете ли вы Вадима Козина?» — и многие ответят: «О, Козин!..» И, может, даже вздохнут: «Был...».

Только почему «был»? Вполне наяву я сижу в гостях у Вадима Козина, любимого певца, кумира публики тридцатых—сороковых годов в его магаданской квартире, пью замечательный, особо заваренный «козинский» чай, задаю вопросы...

Передо мной плотный коричневый конверт с пластинкой, выпущенной американской фирмой «Кисмет». На обложке рисованный портрет певца (скопированный, кажется, с фотографии, которую я опубликовал еще в 1982 году) и броская надпись: «Вадим Козин. Последний концерт (запись 1958 года)». Читаю перечень: «О матери», «Стан журавлиный», «Пара гнедых», «Локон матери», «День и ночь»...

— Что, это действительно запись последнего концерта?

— Конечно, нет, — пожимает плечами Вадим Алексеевич. — Например, романс «В час раздумья» — у них он почему-то называется «Я готов повторить» — записан мной в 1963 году. Концерты были и потом, а если говорить о «последнем», то он состоялся в 1973 году — мне тогда исполнилось семьдесят...

— Странная штука возраст, — продолжает Вадим Алексеевич. — Чем дальше, тем отчетливее видишь картины прошлого: детство, юность, что было 60—70 лет назад. А что случилось месяц назад — убей бог, не помню...

— А что вспоминается? Самое-самое!

— Мать — Вера Владимировна Ильинская, тихо перебирающая струны палисандровой гитары, ее характерный голос: «Люблю я цветы полевые, люблю их от чистой души». Красивы анютины глазки, как дивно они хороши... Старинный цыганский романс, мотив его перекликается с мотивом знаменитого «Синего платочка», написанного позже. А знаешь, откуда наша фамилия в роду — Ильинские? Кочевые цыгане поклонялись Илье Пророку. Они странствовали по России. Бывало, во время грозы молния попадала в какую-нибудь кибитку и разбивала ее. А в кибитку моих предков не попадала никогда, и люди стали говорить: «А-а, это Ильинские, им всегда везет!» — намекая на то, что Илья Пророк якобы наш покровитель и защитник. От прозвища и пошла фамилия матери.

— Она выступала на сцене?

— Пела в цыганском хоре. Выйдя замуж за моего отца — Алексея Гавриловича Козина, прекратила выступления, но дружбы с цыганскими артистами никогда не теряла. Отец сам не пел, но песню, особенно цыганскую, любил. Он был сугубо деловой человек, много разъезжал. Когда у него выдавалось свободное время, мы всей семьей слушали пение матери. А то он сажал меня в автомобиль «бенц» и катал по Островам, показывая Петербург... Но тихие дни у семейного очага выпадали редко, большей частью в доме царили веселье и суета.

Из тех, кто приходил к нам, запомнилась колоритная фигура тогдашней эстрадной знаменитости — Юрия Спиридоновича Морфесси, грека по происхождению, певца с густым сочным баритоном, исполнителя модного тогда романса «У камина». Он приходил в украшенном шитьем и бисером кафтани, подпоясанном широким поясом, в шароварах, скрипучих сапогах и горностаевой накидке. Часто заходил в сопровождении своего аккомпаниатора Саши Макарова, автора известного романса «Вы просите песен, их нет у меня». Один раз Морфесси заставил меня петь, а потом посадил на колени и, шутя, сказал: «Вот растет наша смена...»

— Вы как-то говорили, что Варя Панина была вашей родственницей?

— Дальней. Двоюродной сестрой дедушки — Владимира Ильича Ильинского. Но я видел ее всего-то один раз. Мать взяла меня на представление в «Аквариум» и провела за кулисы. Помню, Варя Панина была такой тучной, что пела, сидя на стуле... Иногда появлялась у нас Несравненная — красавица

Анастасия Вальцева. Блистательная певица, любимица петербургской публики. Тетя Настя — мы с сестрами так ее звали — всегда привозила нам, маленьким, большой пакет с фруктами, конфетами и другими сладостями. Мне тогда было семь лет. Помню, отец ругал Вальцеву за исполнение пошловатой, но популярной песенки «Гей да тройка» и все допытывался, как понимать: «мчится парочка вдвоем»? А что, спрашивал, парочка может мчаться и строем? И в конце песенки его умиляла фраза: «я не помнит, как с устами вдруг слились их уста». У меня это тогда на всю жизнь отложилось. Главное в песне — слова, текст, смысл, который нужно донести до слушателя. Все это кажется банальным, но ведь мало кто из нынешних певцов по-настоящему думает об этом. Увы, много случаев неграмотного исполнения самых, казалось бы, известных песен и романсов.

— Например?

— Включаю на днях радио: «Только раз бывает в жизни встреча». Почему «встреча»? У Павла Германа — он мне не раз говорил об этом — «встречи». Или еще поют: «Гаснет луч вечернего заката». Помилуйте, разве закат может быть утренняя или дневным? У Германа — «забытого заката».

Или вот аранжировки сейчас настолько искажают мелодию старых хороших песен, что певцы вынуждены фальшивить. Ну куда это годится? Не подумай, что старик брюзжит. Я свое отпел. И, кстати, без микрофонов и усилителей. Но ведь что

сейчас делается на эстраде! Диктуют моду всего несколько человек — целыми днями только и слышишь их имена. Многие песни, что исполняют по радио и телевидению, отдают пошлостью и безвкусицей. А потом удивляемся: откуда у молодежи такой убогий вкус!

— Получается, что сейчас у нас на эстраде и певцов приличных нет?

— Певцы есть — индивидуальностей почти нет. Беда в том, что молодые быстро начинают подражать кому-то, чтобы вписаться в некую общую схему, для кого-то, видимо, привычную. Чем же заняты все те редакторы и редакторши, которые сегодня причастны к музыкальным передачам? Когда они, наконец, избавятся от всех этих дешевых шуточек и примитива?

Люди часто приходят к Вадиму Алексеевичу, пишут, звонят из других городов. Спрашивают про здоровье, спрашивают, не нужно ли чем помочь, а то я просто так звонят, чтобы услышать голос любимого певца.

В Ленинграде живут его сестры, зовут приехать, жить, но он смеется: куда теперь ехать, раньше не собрался, а теперь уж восемьдесят три... И виноваты в этом не слухи о каком-то якобы «вечном поселении» (заимствуя определение из аннотации к пластинке фирмы «Кисмет»), а добрые, отзывчивые, сердечные люди, окружающие артиста, и непроходящая его любовь к Северу. Яркое тому свидетельство — его цикл лирических песен «Я люблю эту землю». Началась работа и по подготовке третьего диска. Что ж, возрождение довоенных записей певца — дело благородное, позволяющее современному слушателю познакомиться с масштабом дарования артиста и наследиться красотой его поистине жемчужного голоса. Но у Вадима Алексеевича, помимо «северного цикла», есть прекрасные романсы и песни гражданского звучания на стихи советских поэтов, написанные в 50—60-е годы. Было бы неплохо, если бы фирма «Мелодия» взялась издать и их. Я знаю, что качественные записи авторского исполнения имеются у многих коллекционеров Москвы, Киева, Ленинграда, Ростова-на-Дону и других городов.

...Пьем «козинский» чай. Потом хозяин включает магнитофон. Я слышу меланхолические звуки старого фортепиано и чуть усталый, еще не потерявший былой выразительности голос певца:

Когда проходит молодость,
Длинные ночи кажутся,
Что раньше было сказано,
Теперь уже не скажется.
Не скажется, не сбудется,
А сбудется — забудется...
Когда уходит молодость,
Еще сильнее любитесь...

Борис САВЧЕНКО

